

Глядя на рыбу в корзине, Цюаньцзы подумал, что после того, как её завялит, отнесёт несколько хвостов Хромому Вану. С тех пор как они переехали в деревню Чжу, он давно не видел дядю Вана.

К полудню Цюаньцзы вернулся с богатым уловом и с радостью показал свою добычу матушке Лю. Та удивилась и с улыбкой сказала: «Рыбы так много, не съедим». Цюаньцзы ответил: «Можно её засушить, матушка».

Соли в доме Цюаньцзы обычно берегли, её было мало, поэтому нужно было докупить, чтобы засолить рыбу — так она будет вкуснее.

Матушка Лю вскипятила воду, чтобы ошипать большую белую цаплю. Эту водоплавающую птицу взялась обработать она. Матушка Лю умела готовить вкусные блюда из того, что было под рукой, и такой взрослой птицы хватило бы им на два дня.

Цюаньцзы маленьким ножом распотрошил и вычистил рыбу, затем продел сквозь жабры бечёвку и развесил улов во дворе на солнцепёке. Рыбу нужно было обязательно высушить, чтобы она хранилась.

Благодаря рыболовной сети в доме наконец-то появился запас рыбы.

С тех пор как А-Пин и другие научились стрелять из лука, Цюаньцзы больше не приходилось каждый день после полудня ходить в дом семьи Чжуан, чтобы тренироваться с ними. Обучение стрельбе было для него не безвозмездным — сестра А-Ли дала ему немного денег в качестве платы. Цюаньцзы счёл это заслуженным и принял. Матушка Чжуан тоже через слуг пыталась одарить его деньгами, немного, но Цюаньцзы отказался, сказав, что Чжуан Ян уже расплатился, и платой той стали лук и стрелы в его руках.

С А-Пин и другими было весело, но и в одиночестве, поля бобов на берегу реки, он чувствовал себя спокойно. Единственная разница была в том, что не каждый день удавалось повидать Чжуан Яна.

На сегодня почти все дела были переделаны: свиней и кроликов накормил, овец выгнал, поохотился и порыбачил, поле прополол. Осталось только нарубить бамбука.

После полудня во дворе семьи Чжуан стояла тишина, и было непонятно, куда подевались А-Пин и остальные. Цюаньцзы мало волновало, здесь они или нет — он шёл на восточный берег не затем, чтобы играть с ними.

Столкнув лодку на воду, Цюаньцзы взял с собой топор и переправился через реку.

На восточном берегу бамбук рос сплошняком, казалось, его не исчерпать, и он давал Цюаньцзы материал для плетения.

Цюаньцзы поднялся на бамбуковую гору и принялся рубить. В горах он был один, кругом стояла тишина, и звук ударов топора отдавался особенно гулко.

Свалил один ствол, принялся за другой, листья с шуршанием осыпались. Цюаньцзы опустил топор и осмотрел ладони — в основании большого пальца стёрлась кожа, чувствовалась тупая боль. К счастью, дома был порошок, что дал Чжуан Ян, — присыплет, и скоро заживёт.

Цюаньцзы присел отдохнуть на срубленный бамбук. Лесной ветерок медленно налетал, сдувая пот с его лица и шеи, и это было очень приятно. Вдруг он почувствовал у ноги какое-то

движение. Насторожившись, он глянул вниз и увидел детёныша тапира. Хотя для Цюаньцзы, человека, все тапиры выглядели одинаково, он узнал этого — это был Чжусунь.

В деревне Чжу других тапиров не водилось, только в семье Чжуан держали одного, и тот частенько наведывался на бамбуковую гору за домом, чтобы полакомиться побегами.

Цюаньцзы помнил, как однажды, когда он рубил тут бамбук, Чжусунь прибежал и облаял его. Маленький тапирёнок, а лаял по-собачьи, очень свирепо.

Видимо, из-за того, что Цюаньцзы часто бывал во дворе семьи Чжуан, Чжусунь к нему привык, и теперь, встретившись на бамбуковой горе, тапир не только не залаял, но и обхватил его ногу.

Вот и висит теперь Чжусунь на ноге Цюаньцзы, не отцепишь.

— Отпусти, — сказал Цюаньцзы, присев на корточки, ткнул пальцем в голову тапирёнка и, притворившись сердитым, прикрикнул на него.

Чжусунь уставился на него маленькими яркими глазками и издал нечто вроде довольного блеяния. Он стоял на своём и не отпускал левую ногу Цюаньцзы. Тот пощекотал его, а тапирёнок решил, что это игра, ухватился за рукав и так и повис на его руке.

— Не уйдёшь — в суп пойдёшь, — пригрозил Цюаньцзы, отцепил тапирёнка от руки, отнёс на склон и поставил повыше. Оттуда, где он стоял, до склона был перепад высот, и коротконогому тапирёнку слезть было бы непросто.

Поглядев, как Чжусунь беспомощно крутится наверху, Цюаньцзы усмехнулся: «Сейчас спущу».

Он снова взял топор и продолжил рубить, но не успел свалить и одного ствола, как почувствовал, что к его голени снова что-то прицепилось. Взглянув вниз, он увидел тот же чёрно-белый мохнатый комок.

Ну да, ловкач.

Цюаньцзы снова присел, поднял тапирёнка и стал искать, куда бы его на время упрятать, как вдруг увидел идущего по горной тропинке Чжуан Яна.

Раз хозяин пришёл, отпущу тебя, — решил Цюаньцзы и опустил Чжусуня на землю. Тапирёнок бросился вперёд, пытаясь ухватить его за ногу, но Цюаньцзы ловко увернулся. Чжусунь, неудовлетворённый, собрался было повторить попытку, как вдруг услышал, как Чжуан Ян зовёт его: «Чжусунь, иди сюда». Он поднял голову, посмотрел в ту сторону, увидел Чжуан Яна и тут же, семена внутрь стопы, побежал к нему.

Чжуан Ян, находясь наверху, услышал сзади дома звук рубки бамбука, предположил, что это Цюаньцзы, пришёл проверить — так и есть.

— Тапирёнок, как дитя, всё норовит с кем-нибудь поиграть, — сказал Чжуан Ян, присев и погладив Чжусуня по голове. — А-Хун бамбук рубит, не мешай ему, иди лучше бамбук ешь.

Чжуан Ян отчитал тапирёнка, а тот уставился на него своими маленькими, будто чёрные бобы, глазками и положил лапу ему на голень.

Чжуан Ян поднял Чжусуня, отнёс к зарослям молодого бамбука и сунул ему в лапы один побег. Подождав, пока тапирёнок примется мирно жевать листья, Чжуан Ян вернулся к Цюаньцзы.

Тот всё ещё рубил бамбук.

— Один справишься? — спросил Чжуан Ян.

— Справлюсь, — коротко ответил Цюаньцзы. Во время работы он говорил мало. Со стуком повалив ещё один ствол, он насчитал на земле уже три бамбучины — достаточно, чтобы нащепать ленты и сплести клетку для кроликов.

Чжуан Ян постоял рядом, наблюдая, как Цюаньцзы обрубаёт у бамбука листья и боковые побеги, чтобы было легче нести. За работой тот походил на взрослого — спокойный, терпеливый. Закончив, он взял верёвку, чтобы связать бамбучины в охапку, — так будет проще стащить их с горы. Бамбук был тонкий, не слишком тяжёлый, но чтобы перетащить его через реку, всё равно требовалось немало сил.

Чжуан Ян заметил, что одежда на Цюаньцзы снова порвалась — рукав расползся, на штанах дыра. Ему часто приходилось работать, и вещи быстро изнашивались. Кроме одежды, тканевые туфли на его ногах тоже разошлись на носках, обнажив пальцы.

Чжуан Ян взглянул на его ступни и подумал, что его собственные туфли, наверное, Цюаньцзы подошли бы. Он понимал: для бедной семьи иметь тканевую обувь — уже большая удача, обычно носили сандалии. Матушка Лю, хоть и заботилась о Цюаньцзы в меру сил, явно старалась дать ему самое лучшее из того, что могла.

— Погоди уходить, подожди тут, — сказал Чжуан Ян.

— Ладно, — послушно отозвался Цюаньцзы и остался на месте.

Чжуан Ян спустился со склона, а за ним увязался Чжусунь. Вскоре он вернулся, неся в руках пару туфель, и протянул их Цюаньцзы:

— Я в прошлые годы носил, ещё целые. На, носи.

Цюаньцзы не взял, а сначала посмотрел на свои туфли — на обеих зияли дыры, торчали пальцы.

— Зашью, — покачал головой Цюаньцзы, отказываясь. Туфли с дырами всё равно носить можно, дома мать залатает.

— Сначала примерь. В траве змей много, как бы не укусили, — настоял Чжуан Ян.

— Спасибо, Эрлан.

— Не за что. Давай, примерь.

Цюаньцзы взял туфли, сел на землю и переобулся. Туфли Чжуан Яна пришлись ему впору. Свои же старые, дырявые, он привязал к охапке бамбука, чтобы забрать с собой.

Чжуан Ян проводил его взглядом. Глядел, как тот, с трудом волоча бамбук, медленно бредёт по горной тропинке к берегу. Как, напрягшись, взваливает охапку в лодку и отталкивается от берега.

«Всего тринадцать лет, — подумал Чжуан Ян, — а характер уже такой стойкий. Вырастет — станет, наверное, человеком спокойным и решительным».

— «Взгляни на тот изгиб Ци, где бамбук зелёный, пышный так растёт...»

Учитель Дун, в своём наряде из небесно-голубого шёлка, стоял у лектория и, держа в руках письмо на шёлке, нараспев читал древние стихи. А-Пин и А-Ли, стоя на коленях за низкими столиками, с деревянными дощечками в руках, мотали головами в такт, повторяя за ним.

После полудня мысли А-Ли витали где угодно, только не в учёбе. Его клонило в сон, и, пока учитель не видел, он украдкой подпер подбородок дощечкой.

А-Пин сидел сравнительно прямо, но и его ум был непоседлив. Дойдя до слов «бамбук зелёный, пышный», он поднял глаза, глянул в окно на бамбуковую рощу и увидел белую бабочку, присевшую на оконную раму.

У учителя Дуна был недостаток: он слишком легко погружался в поэзию, забывая об учениках. Сейчас он, должно быть, упивался стихами, и перед его глазами проплывали извилистые берега Ци, бескрайние бамбуковые заросли, а мысли и вовсе улетели неведь куда.

— «...Был муж благородный, точился, словно резец, шлифовался, словно яшма...»

Бабочка на оконной раме вспорхнула и легко упорхнула. А-Пин подумал, что она, наверное, из рапсового поля прилетела, ветром её сюда занесло, а теперь ветром же и унесёт обратно.

— «...Строг он и величав, ярк он и светел...»

Учитель наконец поднял голову и взглянул на учеников, заметив, что глаза у А-Ли уже почти слиплись.

— А-Ли, встань!

<http://bllate.org/book/15945/1425563>